

УДК 882

Из Одессы в Михайловское: диктат формы

Кранк Эдуард Освальдович,
кандидат философских наук, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, связанные с высылкой А. Пушкина из Одессы в Михайловское. Принято считать, что решающим было перехваченное цензурой письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому об атеизме, которое послужило формальным поводом для высылки в имение матери. В статье утверждается тезис о том, что немаловажное значение в смене места жительства имел начатый за год до того роман «Евгений Онегин», действие которого развивается в деревне.

Ключевые слова: Пушкин, Одесса, Евгений Онегин, диктат формы, южная ссылка.

Ах, чем-то кончится роман...

А. Пушкин

Легенда гласит: Пушкин в Одессе был увлечён графиней Элизой Воронцовой, за что её муж, и без того человек, не умевший ценить поэта, выслал его из Одессы. В качестве сопутствующей интриги прилагается любовный треугольник «Пушкин – графиня – Александр Раевский», причём роль последнего, с легкой руки Ф. Ф. Вигеля, определена как роль Яго (кто же в таком случае Отелло: Пушкин или полу-милорд Воронцов?). На самом деле (коль скоро Вигель упоминает о герое шекспировской трагедии [А. С. Пушкин..., 1974, т. 1, с. 218–231]), следует вести речь о любовном не «треугольнике», а «квадрате», где роль Отелло остается за Воронцовым, а за Пушкиным мыслится роль Кассио.

Когда легенда не кажется убедительной, самое время вспомнить обстоятельство, льющее воду на мельницу конфликта-Поэта-с-Властью, а именно известную фразу об «афеизме» и докторе Воронцовых Хатчинсоне (Гутчинсоне) в письме Пушкина князю Вяземскому, фразу, которая, как известно, послужила формальным и – главное – достаточным основанием для высылки [Пушкин, 1926, т. 1, с. 74–75]. Не высылать же, в самом деле, лишь по той причине, что Воронцов Пушкина на дух не переносит, что бы там у них ни творилось с Елизаветой Ксавериевной. Можно также «афеизм» присовокупить к вышеупомянутой интриге, чтобы с тем большим пафосом наблюдать, как Одесса исторгает из себя Пушкина, словно шампанское пробку. А тут ещё, по свидетельству княгини Веры Вяземской, наличие альтернативы: не северная глухая деревня, а «Адриатические волны, о Brenta!..». Весьма любопытна эта «Brenta». («Brenta, рыжая речонка», – писал Ходасевич в 1920 г., воочию её увидев.) «Brenta», понятно, символ и, как символ, важна своими составляющими: «бранный» + «Лета», т. е. «Brenta» – символ забвения, забвения Судьбы. Эта альтернатива не могла устроить Пушкина: роман не написан. По княгине Вере, альтернатива не состоялась по причине тривиальнейшей: не нашлось необходимых денег, чтобы нанять «гребное судно» [Вересаев, 1985, т. 2, с. 217] (значит, судно нашли?). А если бы были изысканы деньги, то жизнь Пушкина сложилась бы, возможно, совершенно непредсказуемым образом.

Жизнь Пушкина не могла сложиться иначе. Закон Формы есть самый безусловный закон, во всяком случае, для того, кто сам из себя эту форму производит. Именно такой

формой был для Пушкина «Евгений Онегин». Начатый в Кишинёве, роман к моменту выезда Пушкина из Одессы, был доведён до письма Татьяны включительно, т. е. были написаны уже три главы, где действующие лица были вполне расставлены и – главное – было ясно, что место действия романа – деревня, наследные поместья Онегина, Лариных, Ленского. Понятно, что деревня (о rus), а не интернациональная Одесса, требовала к себе Пушкина – таков, в упрощённом виде, был глас Формы. И Пушкин поехал в деревню, внутренне (можно сказать даже: «подсознательно») совершенно к этому готовый, несмотря на «могучую страсть» и прочие обстоятельства существования.

Слепая Судьба, как оказывается, не вовсе слепа. В темноте её взгляда есть путеводный огонь – огонь Формы. Оставим риторике того рода, что, дескать, как же так вышло, что Пушкин высочайшим распоряжением был выслан на жительство в деревню матери, после письма Вяземскому об атеизме, вскрытого полицией, и после почти полугодовой переписки Воронцова с двором с настоятельной просьбой избавить его от Пушкина, – был выслан именно тогда и туда, когда и куда его звал роман?

Необъятная армия людей, любопытствующих о биографии поэта, видят тут совпадение (в лучшем случае), или же мыслят таким образом, что, мол, Пушкин знал... Ничего Пушкин не знал. Пушкин жил и писал. Ему вполне могло хотеться в сторону Brentы или же «могучей страсти», да и мало ли чего ещё может хотеться. Но писать свой роман ему надлежало... И он поехал его писать в Михайловское.

К тому же, прецедент был: это высылка из Петербурга четырьмя годами ранее. Пушкин вылетел из Петербурга точно так же, пробкой из бутылки, закончив «Руслана и Людмилу», мучаясь «духотой» Петербурга и чувством внутренней опустошённости. И выезжал он не к Инзову, как его подопечный, а бежал из душного Петербурга на Юг. Так, 23 апреля 1820 г., за две недели до выезда из Петербурга, Н. И. Тургенев писал брату в Константинополь: «Он (Пушкин) теперь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и Крым» [Летопись..., 1991, с. 214].

Каков же вывод? Борхес, вслед за Бийем Касаресом, утверждает, что человек – это его обстоятельства. Именно: таковы были обстоятельства выезда Пушкина из Одессы в Михайловское, причём решающим из них было то, которое называется «Евгений Онегин».

Литература

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х томах / под общ. ред. В. В. Григоренко и др. Москва : Художественная литература, 1974. Т. 1. 1974. 544 с.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни // Вересаев В. В. Сочинения в 4-х т. Т. 2. Москва : Правда, 1985. 543 с.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799-1826 / сост. М. А. Цявловский. Ленинград : Наука, 1991. 884 с.

Пушкин. Письма / под ред. Б. Л. Модзалевского. В 3-х т. Москва–Ленинград : Государственное издательство, 1926. Т. 1. 1815–1825. 539 с.